

кого и методологического его осмысления. Это приводит к тому, что в российском обществе нет единого целостного представления об экологическом положении страны. Экологическая ситуация оценивается с различных точек зрения: демографической, биологической, медицинской, социально-институциональной и культурной. Не разработаны оценки степени взаимосвязи экологического и социального риска. Вместе с тем объективную экологическую картину можно создать только на базе экосоциологических исследований, проводимых в едином концептуальном, методологическом и методическом ключе в рамках направлений инвайронментальной социологии.

¹ Сосунова И. А. Методология и методика социально-экологических исследований. М., 1999. С. 9.

² Яницкий О. Н. Экологическая социология // Социс. 1997. № 2. С. 133.

³ Cotton W., Dunlop R. Environmental sociology: A new paradigm // American sociologist. 1978. Vol. 13, № 2.

⁴ Яницкий О. Н. Экологическая социология как риск-рефлексия // Социс. 1997. № 7. С. 53.

⁵ Яницкий О. Н. Социология риска. М., 2003; Он же. Экологический вызов: (Общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002.

⁶ Яницкий О. Н. Инвайронментальная социология вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 76–91; Он же. Экологическая социология // Социология в России. М., 1996; Докторов Б., Сафронов В., Фирсов Д. Уровень осознания экологических проблем: Профили общественного мнения // Социс. 1992. № 12. С. 11–13; Лисаускене М., Кухтевич Т. Человек–природа–технология. М., 1992.

Н. В. Бекетов

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ
СИСТЕМЫ РОССИИ**

Определяющими тенденциями развертывания инновационных процессов на современном этапе является их глобализация и регионализация. Именно эти общемировые тенденции не могут не учитываться в становлении и развитии национальной инновационной системы России, проведении в стране структурных преобразований и выхода на траекторию устойчивого экономического развития. Глобализация инновационных процессов в нашей стране находится в начальной стадии. Для ее полноцен-

ного развертывания, в частности, необходимо развивать международное научно-техническое сотрудничество и осуществлять свободное распространение научно-технической информации, создавать международные технологические альянсы между фирмами и другие структуры, имеющие потенциальное преимущество, входить в глобальные сети, производить и распространять инновации по всему миру.

Включение России в мировое сообщество в качестве полноценного партнера, определение соответствующего места в международном разделении труда, безусловно, актуализируют этот аспект.

Другой назревшей проблемой является эффективное развертывание инновационных процессов в пространстве, на региональном уровне, тем более что их территориальная интенсивность, как показывает мировой опыт, во многом определяет уровень развития и характер экономического роста той или иной страны. Свидетельство тому — крупнейший американский территориально-технологический комплекс “Силиконовая долина”, занимающий сегодня ключевые позиции в экономике США.

Представляется, что экономический рост в России также может быть инициирован из регионов, но при условии формирования соответствующей научно-инновационной политики. Однако анализ инновационной ситуации в Российской Федерации и ее субъектах показывает, что активной регионализации инновационных процессов пока не происходит. Более того, во многих регионах состояние инновационной деятельности расценивается как неблагоприятное.

Особенно тревожит динамика таких важнейших показателей, как число организаций, выполняющих исследования и разработки; персонал, занятый в НИОКР; число инновационно активных предприятий и др. Так, число организаций, осуществлявших исследования и разработки в 2000 г., сократилось по сравнению с 1990 г. в 62 субъектах Федерации. Особенно значительное падение, почти в 3 раза, отмечено в Кемеровской области. В Тульской, Ульяновской, Сахалинской областях, Приморском, Ставропольском краях, других субъектах Федерации сокращение произошло в 2 раза. В последние годы снижение числа научно-исследовательских организаций приостановлено, но положительной динамики пока нет. Кроме того, по данному показателю наблюдается значительная поляризация регионов. В Магаданской, Сахалинской, Костромской областях, республиках Калмыкия, Марий Эл, Мордовия насчитывалось всего по 9–10 таких

структур, тогда как в Москве — 899, Санкт-Петербурге — 468, Новосибирской области — 125, Ростовской — 112. Налицо неравномерное распределение и среди регионов-лидеров.

Определенная дифференциация и даже поляризация свойственна и развитым странам мира. Так, наукоемкость американского пространства весьма различна. Подавляющий объем фондов на исследования и разработки осваивается в 6 штатах: Калифорнии, Мичигане, Нью-Йорке, Нью-Джерси, Массачусетсе, Техасе. В целом на первые шесть штатов с наибольшими затратами приходится до $2/3$ национальных исследовательских вложений. Аналогичная картина и в отношении развития высокотехнологичных регионов. Регионами технологического насыщения являются Северо-Восточный, включающий 140 высокотехнологичных фирм и их отделений: Западное побережье — 95, Западный регион — 45, тогда как в других регионах — Среднеатлантическом, Юго-Западном, Юго-Восточном и Горы — распределение таких компаний выглядит соответственно как 16, 14, 7 и 4¹.

Подобная ситуация не исключение, она характерна и для других ведущих государств мира. В Лондоне размещены 132 венчурные компании, а оставшаяся часть — 89 фирм — распределена по остальной территории страны².

Вместе с тем на Западе разрабатываются и осуществляются масштабные мероприятия по развертыванию инновационных структур на локальном уровне. В Японии принята общенациональная программа регионального развития науки и техники. В настоящее время существенно повысилась роль региональных органов власти в развитии науки и инноваций в США. Началом явилась разработанная госдепартаментом политика “экономического федерализма”, предполагающая долевое участие сторон в финансировании ряда научных программ, запланированных в федеральном бюджете и вызвавших заинтересованность штатов. В 2002 г. на реализацию кооперационных программ из региональных бюджетов было ассигновано свыше 0,5 млрд. дол., а за период 1992–2002 гг. общая сумма региональных отчислений на такие программы возросла на 45 %³.

Следует подчеркнуть, что Правительством РФ и региональными органами государственной власти сделано немало в нормативно-правовом и институциональном обеспечении активизации функционирования территориальных инновационных процессов, но практическая отдача пока незначительна, так как они идут, в основном, стихийно. Отсутствие сущностного подхода к регио-

нализации инновационных процессов проявляется также и в том, что государственная инновационная политика до сих пор ориентирована на краткосрочный период и все еще не имеет полноценной региональной составляющей экономического развития. Не продумано распределение институциональных структур инновационной деятельности в пространственном аспекте национальной экономики и т.п.

Таким образом, назрела задача усиления инновационных процессов на региональном уровне в целях ликвидации сложившихся диспропорций в размещении научного и инновационного потенциалов, развития и совершенствования региональной научно-технической и инновационной деятельности.

Одно из направлений ее скорейшего решения связано с оптимальным, научно обоснованным размещением инновационных структур, прежде всего технопарковых. Что касается небольших инновационных структур, а именно технопарков, то они чаще всего размещаются на базе высших учебных заведений. В системе высшей школы России функционируют 72 научно-технологических парка. Вузовские технопарки имеют десятилетнюю историю и уже достигли определенных результатов, проложив дорогу к формированию различных видов инновационной инфраструктуры (инновационно-технологические центры, центры трансфера технологий, региональные инновационные центры и др.).

Однако особенности современной экономики России не позволяют в полной мере использовать накопленный в развитых странах мира опыт регионализации инновационной деятельности и требуют выработки специфических подходов к решению данных проблем. Поэтому не совсем обоснованным выглядит формирование отечественных технопарков по стандартной, принятой на Западе схеме — исключительно на базе высших учебных заведений. Безусловно, исключать этот вариант нет необходимости. Вместе с тем в России целесообразно иное формирование технопарков, поскольку основная масса исследований и разработок проводилась в военно-промышленном комплексе, в частности в наукоградах, а также в институтах Академии наук. Эту специфику нельзя игнорировать.

Относительно технополисов дело обстоит иначе. Кроме учета общемировых тенденций в размещении данных инновационных структур, необходимо связывать их формирование и развитие с решением конкретных социально-экономических и экологических проблем каждого региона. В специальной литературе сложилась единая точка зрения на основной фактор, влияющий на разме-

шение технополисов. Он заключается в наличии сильного университета, крупных исследовательских институтов и так называемых мозговых центров, способных непрерывно генерировать идеи. В этом направлении уже осуществляется ряд конкретных мероприятий. Это, прежде всего, создание учебно-научно-инновационных комплексов (УНИК), которые позволяют превратить ведущие университеты в целостные структуры, что повысит их роль в социально-экономическом развитии регионов⁴. Также поднимаются вопросы о присвоении статуса федерального исследовательского университета ведущим государственным вузам, которые будут играть не меньшую роль, чем государственные научные центры.

Об укреплении исследовательской компоненты наших университетов, в частности региональных, определенным образом свидетельствует увеличение числа организаций, ведущих подготовку аспирантов, а также рост численности аспирантов и наметившегося конкурсного приема в аспирантуру. В 2003 г. по сравнению с началом 90-х гг. данный показатель увеличился в семи экономических районах (Северном, Волго-Вятском, Поволжском, Северо-Кавказском, Уральском, Западно-Сибирском, Дальневосточном). Аналогичная ситуация сложилась и в отдельных субъектах Федерации. Однако даже такая положительная динамика на протяжении последнего десятилетия ушедшего века не ликвидировала диспропорций по данному показателю. В числе регионов-лидеров Центральный, Северо-Западный и Западно-Сибирский, где в этот период было сконцентрировано свыше 70 % всех организаций, ведущих подготовку аспирантов⁵. На противоположном конце — Северный, Центрально-Черноземный, Волго-Вятский экономические районы, на которые пришлось только 6–7 %. В субъектах Федерации контраст еще более разителен: Москва — 42 %, Санкт-Петербург — 12 %, Московская область — 6 %, Новосибирская — 5 %, Свердловская — 3 %, Иркутская — 2 %, Ростовская — 1,8 %, Астраханская, Ленинградская, Костромская, Тульская, Липецкая области, республика Мордовия — по 0,22 %, Мурманская, Новгородская, Магаданская, Сахалинская, Калининградская области, республики Марий Эл и Кабардино-Балкарская — по 0,14 %, Псковская область, республики Калмыкия и Карачаево-Черкесская — по 0,07 %⁶.

Следовательно, необходимо скорейшее решение таких проблем, как предотвращение дальнейшего снижения роли и значения научно-инновационного и производственного потенциалов в

экономике регионов; осуществление конверсии оборонно-промышленного комплекса и реализация двойных технологий на базе развития военных НИОКР; сокращение депрессивных городов и регионов; преодоление кризисной ситуации в большинстве малых и средних городов России и их возрождение на инновационной основе путем обеспечения притока научно-технических достижений и прочих инноваций со стороны.

Важнейшей задачей является сохранение имеющегося научно-инновационного потенциала и формирование национальной инновационной системы. Пока еще не удалось полностью преодолеть последствия кризисного периода его развития. Поэтому технополисы следует создавать прежде всего в крупных городах, столицах регионов — генераторов инноваций, которые являются инициаторами перехода к новому технологическому укладу. Регионами наибольшей концентрации научных организаций в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. являлись Центральный, Западно-Сибирский, Северо-Западный, Уральский, Поволжский, при этом на первые три сейчас приходится 60 % организаций, выполняющих исследования и разработки. Сюда относятся такие крупные городские центры, как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Хабаровск, Нижний Новгород, Владивосток, Самара, другие региональные центры. Именно эти города могут и должны концентрировать научно-инновационный потенциал, способный не только обеспечить потребности своего региона, но и распространить его на другие территории.

Однако в период рыночного реформирования российской экономики крупные города, имеющие мощный относительно других территориальных единиц потенциал, к сожалению, не стали носителями инновационного развития, а следовательно, не выполнили главной задачи — стать лидерами структурных преобразований экономики Российской Федерации. Свидетельство тому — крупнейший научный центр бывшего СССР и современной России — Санкт-Петербург: предприятия приборостроения, электроники и связи, широко представленные в промышленности города и ранее занимавшие лидирующие позиции в стране, сегодня находятся в сложном положении. Их мощности полностью не загружены, отсутствует прогресс в разработке и освоении новой продукции, численность работников резко сократилась⁷.

В более выгодном положении оказались сырьевые регионы (Тюменская область с автономными округами, Красноярский край, Республика Саха (Якутия) и некоторые другие). И, на-

оборот, ни один из старых индустриальных районов (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород), где отечественная обрабатывающая промышленность зарождалась и в течение ста лет "тянула" за собой экономику всей страны, отныне не входит в "элиту" промышленных районов России. Например, взятые вместе 15 областей Центра и Северо-Запада, в которых живет 26 % населения России, дают всего около 15 % ее промышленного производства⁸.

Между тем мировой опыт показывает, что в крупных инновационных центрах в целях сокращения затрат есть смысл создавать технологические зоны с диверсифицированной отраслевой структурой хозяйства, специализирующиеся на развитии современных информационных, компьютерных, телекоммуникационных и других наукоемких технологий.

Таким образом, в России крупные города могут быть лидерами экономики, задавая направления и темпы развития, в том числе инновационного. Это требует специализации национальной экономики не столько на отраслях топливно-сырьевого комплекса, сколько на обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных производствах. В этом случае именно крупнейшие города и городские агломерации должны стать ведущим звеном в выведении экономики страны на путь устойчивого развития.

Другая проблема связана с конверсией оборонно-промышленного комплекса и созданием "полюсов инноваций" в регионах концентрации военной науки, в так называемых закрытых городах. Именно они в бывшем СССР выполняли функцию инновационного развития, а в период рыночного реформирования экономики переживали не лучшие времена. В данной связи в условиях стабилизации экономического развития актуальна программа реструктуризации городов — центров военной науки, которая должна предусматривать либерализацию инновационных структур, реконверсию оборонных предприятий, модернизацию на этой основе ведущих предприятий гражданского сектора.

В соответствии с Законом РФ о закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО), принятым в 1992 г., к этой категории было отнесено 47 поселений: 10 находятся в ведении Минатом и 37 — в ведении Минобороны РФ. Большинство этих поселений расположено в Уральском, Центральном, Волго-Вятском экономических районах и являются спутниками крупных городских центров: Москвы, Екатеринбурга, Челябинска, Пензы, Красноярска, Томска и др.

Развитие отечественных наукоградов оставляет желать лучше-

го, и об этом наглядно свидетельствуют результаты конверсии и экономического развития конверсионных территорий. Главная проблема, с которой столкнулись отечественные наукограды, — отсутствие государственной поддержки, и прежде всего финансовой, что и подтолкнуло к проведению в г. Обнинске в 1997–2003 гг. эксперимента по отработке механизма перехода наукоградов к бездотационному развитию. Успешное развитие данных структур возможно на основе переноса центра тяжести на привлечение регионов к решению проблем наукоградов, на превращение средних и низших звеньев государственного и муниципального управления в активных субъектов этого процесса.

Между тем определенный положительный опыт реформирования систем муниципального и местного самоуправления на базе ЗАТО инновационных структур имеется. В Свердловской области на базе города ядерщиков Заречный в 1994 г. был создан и в настоящее время успешно функционирует технолополис “Заречный”. Опыт его работы свидетельствует о необходимости сочетания федеральных, региональных и местных источников финансирования. Позже была разработана концепция создания техноэкополиса Комсомольск–Амурск–Солнечный, вошедшего составной частью в Президентскую целевую программу “Дальний Восток и Забайкалье”.

Крупнейшим конверсионным регионом Российской Федерации является Уральский экономический район, в котором доля оборонного комплекса в начале 1990-х гг. составляла 30 %, а к 2002 г. снизилась до 8–10 %. В данном регионе на долю оборонных НИИ и КБ приходится до 50 % региональных НИР, 30–45 % проектно-конструкторских и технологических работ и свыше 60 % работ по изготовлению и испытанию опытных образцов⁹. Поэтому проблемы оборонно-промышленного комплекса в связи с развитием инновационных процессов не могут не сказаться на общей результативности производственно-хозяйственной деятельности территорий. Кроме того, доля продукции оборонного комплекса в общем объеме промышленного производства Свердловской области на 5 % превышает аналогичный показатель по России, а в отдельных городах (Екатеринбург, Нижний Тагил) колеблется от 40 до 25 %. Для данных центров решение проблем повышения инновационной активности предприятий оборонного комплекса имеет особое значение, возможно на основе реструктуризации научно-инновационного потенциала и создания инфраструктуры коммерциализации результатов исследований и разработок.

Не менее важной задачей является сокращение депрессивных районов и городов на основе перепрофилирования и диверсификации производства. Именно эти территории требуют большого внимания ввиду того, что крупные фирмы, как правило, не рискуют размещать свои средства в стагнирующих районах. Представляется, что перепрофилирование традиционных индустриальных центров, вывод их из состояния упадка также целесообразно сделать путем формирования различных инновационных структур технопаркового типа, к примеру, в высокоспециализированных регионах, где концентрируются легкая и текстильная промышленность (Ивановская, Владимирская, Тверская и ряд других областей). Главная задача состоит в освоении новых способов изготовления сырья для текстильной промышленности с учетом прогрессивных технологий. Именно это позволит придать таким отраслям черты наукоемкого производства и приступить к поэтапной реструктуризации традиционных отраслей.

В претворении идеи технополисов очень нуждаются старопромышленные регионы России. Классический пример — Свердловская область, территория с крайне тяжелыми экологическими проблемами. По совокупному показателю техногенной нагрузки Свердловская область среди субъектов Федерации вышла на второе место (после Пермской области). За годы реформ в промышленном комплексе произошел структурный сдвиг в сторону сырьевых, эколого-загрязняющих отраслей (металлургия и энергетика). Аналогичная ситуация и в других регионах, в частности в Бурятии. Их развитие зависит не столько от электроники и информационных технологий, сколько от состояния тяжелой промышленности, которая является экономической основой данных территорий и дает львиную долю в загрязнении окружающей среды.

Задачей инновационных структур становится возрождение базовых отраслей промышленности на новом технологическом уровне. В промышленных регионах целесообразны техноэкополисы (созданные по примеру специального территориального образования Комсомольск—Амурск—Солнечный), специализирующиеся на создании новых экологически чистых технологий производства и решении проблем по снижению техногенной нагрузки на окружающую среду. Таким образом, образование технополисов нужно вести в соответствии с приоритетной специализацией региона, которая, с одной стороны, должна гармонизироваться с хозяйственной деятельностью всего государства, а с другой — отвечать полноценному экономическому развитию конкретного региона.

Следующая задача связана с увеличением степени прогрессивности экономической структуры регионов. Мировой опыт свидетельствует, что сегодня на первый план выдвигается способность региона к самообновлению и особенно генерированию НТП. В данной связи целесообразно создание научно-инновационных структур в малых и средних городах России.

Проблема привлечения инновационных ресурсов в малые города особенно характерна для Волго-Вятского, Центрально-Черноземного, Поволжского экономических районов. Так, около половины городов Волго-Вятского экономического района (29) являются малыми (с населением до 20 тыс. жителей). Здесь их доля выше, чем в среднем по России, и ситуация на сегодняшний день критическая: происходит сокращение численности населения, перекачка финансовых, инвестиционных ресурсов в более крупные города, свертывание или резкое сокращение промышленного производства, что обрекает данные районы на вымирание и аграрную переспециализацию, а следовательно, натурализацию хозяйственной деятельности. Переломить эту тенденцию возможно на основе развития инновационной сферы, через стимулирование развития малых предприятий и информатизацию городов. Этот путь, по-видимому, оптимален, тем более что некоторые предпосылки для такого решения уже наметились в связи с инициативой создания инновационных центров в рамках программы "Малые города России — инновационные центры" некоторыми субъектами Федерации и административно-территориальными образованиями (Свердловская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, города Заречный, Ноябрьск, Качканар и др.).

Информатизация регионов как фактор усиления инновационных процессов имеет более широкий контекст и, естественно, не ограничивается малыми городами¹⁰. Для России в целом характерен недостаточный уровень развития информационного сектора экономики¹¹. Четко выделяются *центр*, куда входят ведущие национальные исследовательские и образовательные комплексы крупных городов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород), где информационный сектор демонстрирует рост, и *периферия*, для которой свойственна консервация устаревших производств третьего и даже второго технологического укладов и где фактически не создаются условия для развития телекоммуникационных технологий. Сюда относятся Рязанская, Псковская, Брянская, Калужская области, а также многие регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока¹².

Между тем полюса развития, центры экономического роста и конкурентоспособности регионов в большей степени связаны именно с информационными технологиями, ускоряющими инновационные процессы и способствующими привлечению информационных ресурсов в те или иные регионы. Еще более отчетливо обрисованная ситуация иллюстрируется динамикой такого показателя, как число созданных передовых производственных технологий по группе *“связь и управление”*. Этот показатель в группе регионов-лидеров в 2000 г. составил 53,5 %: в Центральном – 26 %, Поволжском – 15 %, Северо-Западном – 13 %, а в 2002 г. – 57,5 %: в Центральном – 30 %, Северо-Западном – 16 %, Северном – 10 %.

В группу отстающих регионов в 2000 г. входили Северо-Кавказский – 1,5 %, Дальневосточный – 2,3 %, Восточно-Сибирский – 3 % (общий показатель – 6,8 %). В 2002 г. Северо-Кавказский регион не имел работ подобного рода, в Восточно-Сибирском регионе объем таких работ составил 3,5 %, в Дальневосточном – 5 %, что в совокупности составило 8,5 %.

В разрезе субъектов Федерации на первые десять регионов в 2000 г. приходилось 64 % созданных передовых производственных технологий по группе: Москва, Санкт-Петербург, Саратовская, Тульская, Самарская, Свердловская, Белгородская области, республики Татарстан, Мордовия, Башкортостан. В 2002 г. этот параметр оставался без изменений, но перечень регионов обновился наполовину. В число первых территорий вошли Хабаровский и Приморский края, Читинская, Воронежская и Тюменская области, а выбыли Свердловская и Саратовская области, республики Татарстан и Башкортостан. На противоположном фланге в 2002 г. в 38 субъектах Федерации этот показатель вообще отсутствовал, а в 14 регионах таких технологий производилось всего лишь по одной.

Приведенные данные свидетельствуют, во-первых, о поляризации регионов по развитию современных телекоммуникационных технологий, во-вторых, о нестабильности группы лидеров. Анализ региональной ситуации позволяет сделать вывод, что информатизация субъектов Федерации с целью интенсификации инновационной деятельности – серьезнейшая проблема, которую необходимо решать посредством проведения комплекса мероприятий на различных уровнях.

Что касается регионального уровня, то речь идет о создании единого регионального информационного пространства на основе развития рынка телекоммуникационных услуг и соответствующей

инфраструктуры (по типу успешно функционирующих региональных программ развития “Электронная Москва”, “Электронный Санкт-Петербург” и др.). Предстоит сформировать информационную инфраструктуру инновационной деятельности – региональных научно-информационных центров (возможно на базе существующих региональных центров научно-технической информации), целью которых будет развитие информационного взаимодействия научных организаций и производственных предприятий тех или иных территорий в инновационной сфере. Данная проблема актуальна для большинства регионов России, в частности, для малых городов. В этом случае привлечение инновационных ресурсов как одного из факторов стабилизации социально-экономической ситуации напрямую связано с развитием информационных технологий, что является важным шагом в преодолении информационно-инновационной дезинтеграции российских регионов.

¹ См.: Бекетов Н. В. Научно-инновационные системы регионов: Проблемы формирования и развития // Инновации (СПб.). 2002. № 9–10. С. 72–77.

² См.: Бекетов Н. В. Региональный анализ поляризации пространственных структур: Циклический подход // Экономика. Управление. Финансы: Труды VI Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения академика Н. А. Вознесенского (г. Тула, 23–24 апреля 2003 г.). Тула, 2003. Ч. 1. С. 68–75.

³ Бекетов Н. В. Наука в России и мире // ЭКО: Всерос. экон. журнал. 2003. № 11 (353). С. 12–22.

⁴ См.: Бекетов Н. В., Ковров Г. С., Павлова С. Н. Оценка инновационного потенциала региона. М., 2004.

⁵ См.: Ковров Г. С., Бекетов Н. В. Интеллектуальный потенциал вузовской науки: Важнейший государственный ресурс развития инновационной экономики региона. М., 2003.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Бекетов Н. В. Формирование мотивационной системы развития новой экономики // Информация–Коммуникация–Общество: Материалы Междунар. науч. конф. (г. СПб., 12–13 ноября 2002 г.). СПб., 2002. С. 26–27.

⁸ См.: Бекетов Н. В. Региональный анализ поляризации пространственных структур: Циклический подход. С. 68–75.

⁹ См.: Бекетов Н. В. Научно-инновационные системы регионов: Проблемы формирования и развития. С. 72–77.

¹⁰ См.: Бекетов Н. В. Муниципальный рынок телекоммуникационных услуг: Проблемы формирования и развития // Перспективы развития российской экономики; Межвуз. сб. науч. тр. СПб., 2002. Вып. 4. С. 552–558.

¹¹ См.: Бекетов Н. В. Телекоммуникационный рынок России: Итоги десятилетия // Финансовые проблемы и перспективы современной экономики: Межвуз. сб. ст. Барнаул, 2003. С. 92–97.

¹² См.: Бекетов Н. В. Формирование информационной системы региона как важного составного компонента развития инфраструктуры инновационной деятельности // Информационные ресурсы России (М.): Науч. журнал. 2004. № 1. С. 19–21.

В. В. Енуков

**КУРСКАЯ ВОЛОСТЬ-КНЯЖЕНИЕ КАК МОДЕЛЬ
ЭВОЛЮЦИИ МАЛЫХ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Курская волость относится к числу сравнительно небольших административно-политических образований, которые являлись ведущими в количественном отношении, но явно недостаточно изученными сегментами древнерусской государственности. Именно ее "обыденность" в сочетании с относительным обилием разноплановых источников, позволяющим проследить основные вехи ее становления и развития, представляет заметный исследовательский интерес.

Как и любое историческое явление репрезентативного характера, Курская волость, наряду с общими чертами формирования аналогичного "ранга", имеет и свою специфику. К ней относится целостность территориального ядра, которая уходит своими корнями в "докиевскую" эпоху. Анализ совокупности источников приводит к выводу, что понятие "Посемье", хорошо известное в XII в. как определение территории волости в пределах курского течения Сейма и Верхнего Псла, изначально соответствовало сложному "племенному" образованию, сформировавшемуся около середины X в. Его неординарность в социально-политической иерархии объединения северян, археологическим эквивалентом которой является большая часть носителей роменской археологической культуры, подчеркивается существованием "единого экономического пространства", которое соответствовало ареалу обрезанного под весовую норму в 1,02 г арабского дирхема¹. Захват Посемья Русью в конце X в., предположительно в ходе походов 994 и 997 гг. Владимира на Волжскую Болгарию, одной из основных целей которых, видимо, являлась организация торгового пути Киев – Булгар², и определяет ту хронологическую грань, за которой начинался древнерусский период истории региона.